

Kováčová, Marta

Поэтика раннего творчества Сергея Довлатова

Opera Slavica. 2006, vol. 16, iss. 1, pp. 23-26

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116751>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПОЭТИКА РАННЕГО ТВОРЧЕСТВА СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

Марта Ковачова (Банска-Быстрица)

Литература является миром художественно образованного слова, неисчерпаемым источником познания. Познания о человеке, благодаря которому (или вопреки которому) жизнь всё ещё жива. Плеоназм последнего словосочетания меняется в этом на призыв остановиться, задуматься, принимать право на жизнь всех живых существ.

Литература XX века является свидетелем духовных порывов, произнесённых и непроизнесённых мечтаний, слов, отражающих желание человека жить – права жить, с которым он приходит в этот мир. В мир, где слишком часто царит непонимание. В русской литературе прошлого столетия мы встречаемся со многими мастерами слова, которые были вынуждены защищать право на свою жизнь в сложных условиях. Это столетие стало временем и пространством возникновения литературных произведений, которые говорили о свободе, но, как это ни парадоксально, смогли увидеть свет только за рубежом России. Нашему современнику иногда трудно понять, почему Россия запрещала многим талантам свободно творить на своей родине, почему они должны были жить, работать и создавать духовные ценности за границей. Борис Пастернак в своё время написал:

Я льнул когда-то к беднякам
 Не из возвышенного взгляда,
 А потому, что только там
 Шла жизнь без помпы и парада.

«Жизнь без помпы и парада» – это было кредо Сергея Довлатова, одного из тех, которые были осуждены жить жизнью диссидентов. Довлатов, шутя говорил: «От хорошей жизни писателями не становятся»¹. С февраля 1979 года он жил в Нью-Йорке, где окончательно выразил себя как прозаик. О Довлатове можно сказать, что своим творчеством он является продолжателем русской классической литературы, ставшей в защиту обыкновенного «маленького» человека. Писатель, полюбивший Пушкина и Чехова, филантропически защищал простого человека. В эмиграции он написал: «... по-хожим хочется быть только на Чехова»². Довлатов был очень тонким и вни-

¹ Довлатов, С.: Собрание сочинений. Т.1. Санкт-Петербург: Азбука, 2000, с.13.

² Там же, с. 23.

мательным наблюдателем со склонностью к романтическому одиночеству. Достоевский, Чехов, Горький или Андреев не спрашивали, кто их герой. Довлатов также не интересовался, кто кем он работает, каждый из его героев – просто человек, о котором он решил писать. Его рассказы являются пространством «маленьких» людей, проживающих свою собственную жизнь и не оглядывающихся назад. Такими они приходят к читателю. Они завоевывают его симпатии детским взглядом на мир, искренностью, которая, правда, иногда вызывает впечатление комизма. Сам автор иногда повторял, что его роль очень проста: рассказать о том, «как живут люди». На самом деле он рассказывал о том, как они «не умеют жить». Герои Довлатова действуют как его второе «я». Андрей Арьев о нём написал: «Если за кем-нибудь Сергей Довлатов и поглядывает, за кем-нибудь шпионит, то единственно за самим собой. Лишь прислушивая к себе, Довлатов научился замечательно слушать собеседника. А научившись, всё-таки настоял на том, что за повествователем всегда грехов больше, чем за всеми остальными действующими лицами»³. В этой жизни он определил себе место среди «униженных и оскорбленных», среди «лишних людей». Говоря о рассказах С. Довлатова, надо подчеркнуть, что он умел с ласковым юмором создавать комическо-грустные ситуации, в которых его литературные герои поворачиваются к миру симпатичным лицом.

Довлатов приближает своих героев читателю прежде всего посредством диалога, который стал основой не только для представления их читателю, но и для поиска идентичности самого себя. Форма диалога образует у Довлатова простор для своеобразных микробесед, часто наполненных смешными ситуациями. Именно диалогические формы в довлатовских рассказах представляют ту платформу, которая создаёт в процессе перцепции эстетический эффект. Для довлатовских диалогов характерна естественность языка, своеобразие синтаксических форм. Несмотря на то, что в его рассказах уделяется значительное внимание диалогу, хотелось бы подчеркнуть, что диалог и повествование действуют в гармонии, они не противопоставлены друг другу, а функционально дополняются. Интересно также отметить, что нередко посредством диалогов решаются философско-эстетические и антропологические проблемы, связывающие творчество Довлатова с традициями русской классической литературы.

В ранних рассказах, написанных в шестидесятые годы, и вошедших в сборник *«Демарш энтузиастов»* («Хочу быть сильным», «Блюз для Натэллы», «Эмигранты», «Победители», «Чирков и Берендеев», «Когда-то мы жили в горах»), можно найти ряд общих черт, атрибутов довлатовской поэтики этого времени. Напримёр, интродукции, свидетельствующие

³ Там же, с. 7.

о стремлении автора поэтизировать текст. В этих частях текстов встречаются анафорические словосочетания: «*В Грузии – лучшие. В Грузии климата нет. В Грузии – лучшие*»⁴. Сразу же после этой части имеется апостроф, который образован при помощи эмоционально усиливающей текст анафоры: «*О Натэлла! Ты чаша на пиру бородасть! Ты глоток родниковой воды после драки! Ты грустный мотив, долетевший сюда из неведомых окон! Ты – ливень, который застал нас в горах! И дерево, под которым спаслись мы от ливня! И молния, разбивающая дерево в щепки! Ты – юность прекрасной страны!*» («Блюз для Натэллы»⁵). С анафорой, влияющей на эфоническую и ритмическую структуру текста, мы встречаемся и во вступлении к рассказу «*Когда-то мы жили в горах*»: «*Когда-то мы жили в горах. Эти горы косматыми псами лежали у ног. Эти горы давно уже спали ручными, таская беспокойную кладь наших жилищ, наших войн, наших песен*»⁶. Автор опять акцентирует хронотоп места: «*Когда-то мы жили в горах*», чтобы сразу ввести перцепиента в поэтический мир природы при помощи группы метафорических высказываний, например: «*Тучи овец покрывали цветущие склоны. Ручьи – стремительные, пенистые, белые, как нож и ярость, – огибали тяжёлые, мокрые валуны. Солнце плавилось на крепких армянских затылках. В кустах блуждали тени, пугая осторожных*»; «*Шли годы, взвалив на плечи тяжесть расплавленного солнца, обмахиваясь местными журналами, замедляя шаги, чтобы купить эскимо. Шли годы...*»⁷. В заключительной части рассказа Довлатов использовал наречие времени, «когда-то» как анафору. Бахтин писал: «Выясняется, что всякий действительно существенный шаг вперёд сопровождается возвратом к началу (изначальность), точнее к обновлению начала. Идти вперёд может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его»⁸. Анафора, как одно из средств художественного выражения, помогла писателю акцентировать пафос мысли рассказа и одновременно стала знаком его лиризации.

Приведённые отрывки рассказов образуют основу, из которой рождаются органически связанные с ней диалогические реплики, раскрывающие внутренний мир действующих лиц. Можно сказать, что эти две части текстов сочетаются между собой как общее с частным. Этот пример можно растолковать и при помощи синекдохического примера художественного изображения: вводная часть – это имплицитно сформированная основа, определённый фон, из которого рождается частное – мир довлатовских диалогов.

⁴ Там же, с. 44.

⁵ Там же, с. 45.

⁶ Там же, с. 61.

⁷ Там же, с. 62.

⁸ Бахтин, М.: Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975, с. 461.

Следует отметить, что диалогическая форма, избранная Довлатовым, сконструирована так, чтобы в отдельных её частях композиционно поднимать и повышать динамику, выражать градацию.

Итак, если оценивать ранние рассказы Довлатова почисто внешним признакам, по объёму диалогов, то придётся сказать, что удельный вес формы диалога в них действительно значителен, несмотря на чередование монологов, диалогической формы и повествования.

Подводя итоги, можно сказать, что поэтика рассказов С. Довлатова образуется в результате гармоничного взаимодействия единиц нескольких уровней. В её основе лежит прежде всего мягкий юмор, соответствующий эстетической категории комического, но также и довлатовский лиризм – искреннее признание в любви к жизни, к простому, «маленькому» человеку. Авторский повествователь – чувствительный человек, способный понять и понимать поведение своих литературных геоев. Он человечески снисходителен, своему читателю он ничего не внушает. Лев Николаевич Толстой говорил: *«Всё, что человек сделает для другого, к нему вернётся»*. Довлатов утверждал: *«Что отдал – твоё»*. В духе этой мысли он жил и вёл диалог с жизнью.

Рассказы Сергея Довлатова были изданы в 2000-м году в петербургском издательстве «Азбука». В центре внимания автора – повседневные события с антитетическими мотивами встреч и расставаний, счастья и грусти. В них сочетается своеобразный юмор с ностальгией, внимание читателя привлекает симпатичная прямолинейность персонажей, отражающая идентичность самого автора. Поэт Иосиф Бродский о нём написал: *«Читать его легко. Он как бы не требует к себе внимания, не настаивает на своих умозаключениях или наблюдениях над человеческой природой, не навязывает себя читателю. Я проглатывал его книги в среднем за три-четыре часа непрерывного чтения: потому что именно от этой ненавязчивости его тона трудно было оторваться. Неизменная реакция на его рассказы и повести – признательность за отсутствие претензий, за трезвость взгляда на вещи, за эту негромкую музыку здравого смысла, звучащую в любом его абзаце. Тон его речи воспитывает в читателе сдержанность и действует отрезвляюще: вы становитесь им, и это лучшая терапия, которая может быть предложена современнику, не говоря – потомку»*⁹.

⁹ Довлатов, С.: Цит. произв., с. 14.